

Трансвааль, горящая в огне

Бывают же чудеса! Поэт написал: «Раскинулось небо широко». А народ запел: «море». Другой написал: «Нет, нельзя рябичке к дубу перебраться!» А народ услышал неберный звук и спел: «рябине». Судьбы народных песен таинственны, как отдаленные острова. О них мало известно, их мало кто исследовал. Авторами популярных песен часто становились совсем неизвестные стихотворцы. Об одном таком стихотворце, к тому же даме, да еще родившейся 8 марта, попробую рассказать, что знаю.

Однажды - дело было летом, судя по всему, 1911 года, - сатирик Саша Черный по совету приятеля поехал отдохнуть в русскую глубинку: в деревню Кривцово неподалеку от Мценска. И там от местных девушек Саши и Дуни записал, затаив дыхание, несколько чудных песен. Одна, другая... И тут Дуня сказала: «Есть еще одна, «Трансваль», знаете?» - «Нет». - «Трансваль, Трансваль - страна моя, горишь ты вся в огне. Под деревом развесистым задумчив бур сидит».

Дальше произошел такой разговор: «Подождите, Дуня! Что такое Трансваль?» - «Это так, зря, без внимания». - «Как без внимания?» - «Почем я знаю!» - Дуня переглядывается с подружкой, и обе фыркают. - «А бур, кто же это такой?» - «Насмехаетесь вы, я и сказывать не стану...» - «Совсем не насмехаюсь. Интересно только, как же вы это поете и не знаете что». Надулась. С трудом успокоил ее и кое-как объяснил, что такое Трансваль и бур, но на девушек это произвело так же мало впечатления, как авиация на Коровина (имеется в виду художник Коровин).

Из колоритного рассказа Саши Черного ясно, что кривцовские девушки пели песню, не понимая ее главных реалий. Но это им не мешало.

Спрос с деревенских девушек невелик. А вот знал ли кое-как объяснивший, что такое Трансваль и бур, Саша Черный, чьи стихи проют Саша и Дуня? Кажется, не

знал. Вряд ли Саше Черному пришлось в голову, что фамилия автора ему отлично известна: год назад, в «Сатириконе» за подписью Иван Чижик он опубликовал ядовитую эпиграмму на поэтессу, сочинявшую не слишком удачные стишки для детей: «Галина, сидя на ветке, пикала: «Милые детки...!» Правда, позже, перепечатавшая эпиграмму в своей книге «Сатиры», он убрал фамилию Галиной и сделал подзаголовок: «Посвящается «детским» поэтессам».

Сегодня только специалисты, которых вряд ли более десятка, знают, что знаменитая «Трансваль» принадлежит Галиной. Так получилось. Скромные строки она вписала в родную поэзию. Но они долго жили, обогащаясь ассоциациями, порожденными новыми и новейшими временами: таково свойство ее органического, свойство лирики, неисповедимость путей искусства. И если «Трансваль» не слышно на радио и в TV, она может прозвучать завтра.

На самом деле Галина была Глаша Мамошина. Родилась Глаша в Петербурге не то в 1870-м, не то тремя годами позже. Отец, Николай Мамошин, был учителем, мать пела в хоре. Хористка не расторгла свой предыдущий брак с неким Адольфом Ринксом, и в официальном документе дочь Мамошина записана как Глафира Адольфовна Ринкс.

Стихи Глаша сочиняла с десяти лет. Боялась паука, который

жил за шкапом, в углу. В ее стихотворении «Веселый бал» танцуют все: комар, мушка, мотылек; только «Злой Паук не понимал счастья и веселья...». Куда уж пауку понять...

Глаша была молчаливая, мечтательная. Читала Андерсена и всю зиму ждала теплых дней, чтоб уехать за город, смотреть на цветы и собирать ягоды. «Одной надеждой о весне зимою я живу... Я вижу теплый лес во сне, и солнце, и траву... Не очарует он меня, седой колдун Мороз! Мне снится ландышей семья, мне снится шум берез...»

Однажды Глаше подарили гнома в красном колпачке. Девочка просияла. Она полюбила гнома, не расставалась с ним. Уволила на дачу и воображала, что это житель чащи, который ее окликнул.

Училась в Мариинской, окончила Петровскую гимназию. Печталась в «Живописном обозрении», в «Русском богатстве» у Короленко, в «Мире Божиим», в «Жизни», в «Образовании», в «Журнале для всех». Служила в главной телеграфной конторе. Но в душе отбивала не телеграммы, а стихи. Опубликовала повесть «Из телеграфной жизни». Вышла замуж за почтового служащего А.С. Эйнерлинга (в ряде изданий эта фамилия ошибочно приводится как ев девичья). Потом была женой писателя Гусева-Оренбургского; со вторым мужем разошлась в середине 10-х годов; жила в доме, который он купил на ее имя на окраине Петрограда, в Новой Деревне.

Накануне демонстрации 4 марта 1901 года Галина прочла на собрании Союза взаимопомощи русских писателей стихотворение «Лес рубят...», содержащее намек на правительственные репрессии против революционно настроенного студенчества - отдачу в солдаты 183 киевских студен-

тов: «Лес рубят... Потому ль, что рано он шумел? Что на заре будил уснувшую природу? Что молодой листвою он слишком смело пел про солнце, счастье и свободу?» На собрании присутствовали Горький, Короленко, Мамин-Сибиряк, Станиславский, Скиталец. За чтение этих стихов и сбор денег «на революционные цели» Галина подверглась административной высылке: ей было запрещено житьство в столицах сроком на один год «Лес рубят...» с музыкой С.Баровского пели на молодежных сходках, на эстраде, на улице.

А самую широкую популярность получил цикл стихов «К событиям в Трансваале» - отклик на англо-бурскую войну 1899-1902 гг; симпатии Галиной, как и российского общественного мнения, были на стороне буров, в которых видели защитников родины, патриотов. У Галиной бур говорит: «Да, час настал, тяжелый час для родины моей... Молитесь, женщины, за нас, за наших сыновей!» Уходя в бой, бур-отец берет с собой девять своих мальчиков. Десятого, младшего, не хочет. Но сын протестует: «Отец, не будешь ты краснеть за мальчика в бою - с тобой сумею умереть за родину мою!»

Музыку на «трансваальские» стихи написал М.А.Губченко. Как песня стала народной и дошла до глухих деревень, сказать не берусь. Ясно, что произошло это во время русско-японской войны.

В советское время «Трансваль» прозвучала лейтмотивом знаменитого романа Александра Фадеева «Последний из Удэге!» Классовым боям был придан патриотический отлив. Фамилия Галиной не называлась. А в 1948 году Исаковский сочинил обширное стихотворение «Песня о родине» под эпиграфом: «Трансвааль, Трансвааль - стра-

на моя, ты вся горишь в огне», русская народная песня». Используя образы, интонацию Галиной, как черновик своих, в духе советской идеологии, рассуждений о неизбежности «страны большевиков», к которой «устремлены сердца» всего мира. Он откровенно цитировал Галину: «Настал, настал суровый час для родины моей - молитесь, женщины, за нас, за ваших сыновей», но тоже не помянул, посвятив свою «Песню»... Александру Фадееву, в то время влиятельному писателю-боссу. С намеком на «Последнего из Удэге», слышал ли поэт имя Галиной? Скорей всего полагал неловким ссылкой на эмигрантку, ведь считалось, что после 1917 года вместе с Гусевым-Оренбургским она оказалась за рубежом. На самом деле тот уехал в США с новой женой - певицей Е.Хатаевой. Ссылка на народную песню была во всех отношениях эффективной и не вызвала вопросов.

Поэтический монолог о детских впечатлениях от песни «Трансвааль», стрфы о Великой Отечественной войне - все это получилось искренним и мастеровитым, и жаль, что Исаковский увел мотивы горящей родины в политические дебри.

После Октября Глафира Николаевна не издавалась. О ней ничего не известно. Говорят, она умерла в Ленинграде в 1942 году во время блокады, когда русские женщины, подобно трансваальским, защищали родимый кров. Так, как написала она: «Они готовы - героев жены для обороны. К защите крова они готовы. Враги узнают, как слабой силой очаж свой милый народ спасает. Враги узнают! Враги увидят сквозь кровь и стоны, как любят жены, как ненавидят - враги увидят!»

Владимир ПРИХОДЬКО.